

гарнизон во всех укреплениях до прихода герцога Готфрида и его армии, чтобы, согласно обещаниям Балдуина, договориться с ним самим о подарках и других знаках милости герцога, равно о сдаче крепости и о других пунктах, пожелают ли они сами принять христианскую веру или предпочтут остаться с обрядами язычества. Потому они сдали Балдуину только две главные башни, где он мог бы утвердиться и пребывать с полной безопасностью; остальная же его армия была размещена по домам и в различных частях города. Когда пилигримы и их вождь Балдуин вступили в город и расположились на покой, к вечеру, в следующий день после того, к городским стенам подошло 300 пилигримов из племени и свиты Боэмунда, отделившихся от армии и шедших по следам Танкреда в шлемах и вооружении. По приказанию Балдуина и по совету его вельмож ворота были заперты перед ними. Утомленные большим переходом и истощив все запасы, они умоляли о гостеприимстве и о дозволении купить все необходимое; простой народ (*plebeji ordinis*) из войска Балдуина просил о том же, говоря, что они братья и такие же христиане. Но Балдуин решительно отказал в этой просьбе, потому что пилигримы шли на помощь Танкреду, и кроме того он обязался в своем договоре с турками и армянами не допускать в город никакого войска до прибытия герцога Готфрида.

XII. Собратья и пилигримы дружины Балдуина, видя, что новые пришельцы не могут никаким образом получить право входа, жались над ними и роптали бросить им за ворота и спустить по веревке хлеба и мяса для пищи. Подкрепив свои силы, они, подавленные усталостью, предались спу в почвой тишине; турки же, остававшиеся по договору в башнях, отчаявшись в своем спасении и не доверяя вполне Балдуину и его спутникам во Христе, держали между собой тайный совет и в числе трехсот вместе с сокровищами и имуществом перенесли по известному им одним броду реку, протекавшую по середине города; они вышли в совершенной тишине, между тем как Балдуин и его люди крепко спали, и оставили за собой в башнях всего 200 человек

соплеменников из своего слабого отряда, чтобы не возбудить никакого подозрения в христианах. Едва они вышли, как папали неожиданно на пилигримов, которые расположились в равнине против города и искали во сне отдохновения от усталости; одним отрубив голову, других умертвив, иных проколов стрелами, они не оставили в живых ни одного, или почти ни одного, из тех, которые прибыли накануне.

XIII. Когда наступило утро, христиане, найдя в башнях, пробудились и отправились на стену посмотреть, там ли еще па равнине их братья, но они увидели всех их умертвленными оружием турок, и кровь их еще текла по равнине. Так обнаружилось вероломство и коварство турок. Немедленно взволновался народ католический по всему городу; все побежали к оружию, чтобы отомстить за убитых изменниками братьев. Поспешно выламывают ворота башен и истребляют всех находившихся там; их крики и трубные звуки еще более возбуждают ярость пападавших. Удивленный страшными криками и волшебным раздраженным народом, Балдуин выходит из своей башни, садится на коня и несетя по городу, приглашая военных людей окончить бой и разойтись по квартирам, чтобы не нарушать утвержденных обоюдно условий договора, пока он сам не разведает подробностей об избииении христиан. Но смятение продолжалось, увеличиваясь все более и более; народ был раздражен смертью пилигримов и в своих шумных восклицаниях называл Балдуина виновником всего за то несчастное распоряжение, которое он сделал; наконец против него восстало такое множество народа и в него стали пускать столько стрел, что он был вынужден удалиться в башню и там искать убежища для спасения своей жизни. Придя в себя и укротив свою ярость, он удовлетворил народ, извинившись и объявив, что он ничего не знал о жестокости турок и что если он не допустил в город людей Бога живого, то только потому, что он обязался перед турками и армянами клятвою принимать одних своих людей до прибытия герцога. Извинив себя таким образом и примирившись с народом, Балдуин начал на башни, в ко-